Содержание

Введение 3
ПИСЬМО I 11
ПИСЬМО II 59
ПИСЬМО III 96
ПИСЬМО IV 125
ПИСЬМО V 148
ПИСЬМО VI 178
ПИСЬМО VII 200
ПИСЬМО VIII 228
ПИСЬМО IX 287
ПИСЬМО X 344
Комментарии 398

Письма о демонологии и колдовстве
сэра Вальтера Скотта, баронета,
с введением Генри Морли, доктора юриспруденции,
профессора английской литературы
в Университетском колледже, Лондон

Введение

«Письма о демонологии и колдовстве» явились вкладом сэра Вальтера Скотта в совокупность книг, опубликованных Джоном Мюрреем[1] в промежутке между 1829 и 1847 годами; вместе эти книги составили подборку из восьмидесяти названий, известную как «Семейная библиотека Мюррея». Предполагалось, что подборка послужит широкому распространению добротной литературы в дешевом пятишиллинговом оформлении. «Письма» за авторством Скотта, написанные и опубликованные в 1830 году, увидели свет на ранней стадии этого предприятия.

Историю просвещения публики в Англии принято отсчитывать с осени 1826 года, когда было учреждено Общество распространения полезных знаний. Чарльзу Найту[2], который как раз задумал издать корпус книг под общим названием «Национальная библиотека», поручили в июле 1827 года заведовать издательской деятельностью Общества. Первые книги публиковались каждые две недели и продавались по цене шесть пенсов за экземпляр. С начала 1829 года стали выходить «Британский альманах» и приложение к «Альманаху». А еще Чарльз Найт в том же году затеял издавать собственную «Библиотеку развлекательного знания». Затем появилась

«Семейная библиотека» Джона Мюррея, а весной 1832 года — в канун принятия Билля о реформе [3] — приступили к приобщению населения к культуре за счет распространения хорошей литературы через дешевые журналы и книги — в частности, были напечатаны первые номера «Эдинбургского журнала Чемберса» на севере страны и «Грошового журнала» в Лондоне.

Осенью того же года, 21 сентября, сэр Вальтер Скотт скончался. Первым признаком близкой смерти оказался апоплексический удар в феврале 1830 года. Тогда у писателя гостила давняя подруга, которой он обещал переработать для печати мемуары ее отца. По словам этой дамы, он около получаса корпел над бумагами на своем столе, прилежно их изучая, а затем встал, вдруг пошатнулся, кое-как добрел до гостиной — и упал; покуда ему не пустили кровь, он будто онемел. Несколько недель Скотту пришлось провести на горохе и воде, и он настолько оправился, что дальние знакомые и не заметили в его облике никаких перемен. Всего лишь через месяц после удара он написал «Письма о демонологии», а также четвертую часть серию «Дедушкиных рассказов»[4].

Увы, уже тогда началось легкое размягчение мозга, которое врачи выявили только после вскрытия. Впрочем, в остальном это был прежний Скотт, любитель исторических редкостей и искусный повествователь, тот самый, о ком литературный критик еще в начале его творческого пути, после публикации «Песен шотландского пограничья»[5], сказал, что этот автор способен сочинить сотню романов. Тем не менее в «Письмах о демонологии и колдовстве»

все же ощущаются следствия болезни писателя: налицо и легкая путаница в мыслях, и огрехи стиля — словом, перед нами предстает тускнеющее мерцание былого ярчайшего света, однако пока не столь очевидны свидетельства угасания писательского дара, неоспоримые в «Графе Роберте Парижском» и «Замке Опасный» (оба опубликованы в 1831 году в качестве четвертого выпуска «Рассказов трактирщика»[6], ими и завершился жизненный путь Скотта, длившийся чуть более шестидесяти лет).

Мильтон однажды заметил, что всякий, кто не разочаровывается в умении писать о том, что достойно похвалы, сам является поэмой во плоти. Жизнь Скотта и была такой поэмой, а музыка сфер пронизывала все его творчество. В ранние годы, исполненный уверенности в своих силах, он писал непрерывно, мечтая разбогатеть, стать отцом семейства и вести идеальную жизнь, очертания которой намечал его романтический гений; в этом стремлении не было и следа прискорбной алчности, а желание достигнуть идеала лишь побуждало тщательнее соблюдать взятые на себя обязанности. Здравый смысл сэра Вальтера Скотта, как обронил когда-то лорд Кокберн[7], был еще более чудесным даром небес, нежели его писательский талант. Когда денежная паника 1826 года[8] поставила на край разорения печатника Джеймса Баллантайна[9], друга Скотта, сам писатель взвалил на себя бремя выплаты долга в 130 000 фунтов — и фактически пожертвовал своей жизнью ради погашения этой суммы. Невыплаченный остаток после смерти Скотта удалось покрыть благодаря успеху собрания сочинений с предисловиями автора.

Ни одна легенда о подвигах на поле брани не сравнится по степени героизма с историей последних лет жизни Скотта, который на протяжении пяти лет упорно сопротивлялся житейским невзгодам, воодушевляясь чувством истинной чести. Когда крах казался неизбежным, он записал в своем дневнике: «Если дела в Лондоне пойдут плохо, волшебная палочка Неведомого дрогнет в руке. Торжество воображения сгинет вместе с ощущением свободы. Не доведется впредь просыпаться и радостно встречать новые яркие мысли, не надо будет спешить переносить их на бумагу и ежемесячно пересчитывать, будто редкие семена в каменистой почве, не потребуется бродить в мечтах, ибо эти прогулки уступят место скитаниям.

> “Вдоль троп лесных и родников,
> В плену у бледной страсти ков”[10].

Это попросту невозможно, однако я могу заниматься своим домашним хозяйством, то бишь сочинять истории и все прочее».

Означенные печальные обстоятельства побудили сэра Вальтера Скотта признать себя автором «Уэверли»[11]. Вскоре скончалась его жена, верная спутница на протяжении тридцати лет. «Зашел на ее половину, — записывал он в дневнике в мае 1826 года. — Там не было ни звука, ни движения; на постели еще виден след унесенного гроба, остальное прибрано, как она любила, все чинно и спокойно, как и положено в смерти. Вспомнилась наша последняя встреча: она приподнялась на ложе, постаралась заглянуть мне в глаза и проговорила с легкой улыбкой: “Какие вы все грустные”. Таковы были ее прощаль-

ные слова. Я поспешил уйти, ибо мне почудилось, что она чуть тронулась умом; когда же я вернулся, она крепко спала. Ныне ее сон неизмеримо глубок. Это случилось всего семь дней назад. Смерть воцарилась там, где долго властвовало супружеское счастье, а ведь она так гордилась нашей обстановкой, твердила, что нам завидуют богачи... Люди снуют туда и сюда, а я все ловлю ее шаги... Господи Боже!» Минуло всего несколько лет, и супруги воссоединились — после жестокой схватки писателя с тенями ночи и смерти.

В «Письмах о демонологии и колдовстве», адресованных зятю Скотта[12] и написанных в преддверии подступающей кончины, былые добродушие и здравомыслие писателя в сочетании с мастерством повествователя наглядно и твердо противостоят ударам судьбы; даже последние романы, свидетели угасания разума, вдохновлявшего и продолжающего вдохновлять умы десятков тысяч соотечественников, показывают, что ничто не могло сломить присущий ему прекрасный дух любви и чести. На пороге смерти Скотта навестил зять — тот, кому предназначались «Письма». Он застал сэра Вальтера в состоянии крайней слабости, но взор писателя был ясен и спокоен, малейшие признаки предсмертной горячки исчезли без следа. «Локхарт, — сказал он, — мне очень нужно с вами потолковать сию же минуту. Будьте человеком достойным, мой дорогой, добродетельным и религиозным, но главное — достойным. Ничто иное на смертном одре не принесет утешения».

Другой том из состава этой библиотеки дает повод вспомнить Скотта в расцвете его сил, товарища той музы, что беззаветно

«Обучает сыновей
Надеяться и верить»[13].

Мы помним, как из темных туч пролился последний свет его гения, указав истинный путь всем, кто стремился сделать насущный хлеб интеллектуальной жизни — хорошие книги — доступным каждому.

Г. М.,
февраль 1884 г.

Дж. Г. Локхарту, эсквайру.

ПИСЬМО I

Происхождение общих представлений человечества о демонологии. — Вера в бессмертие души как основная причина поверить в ее случайное повторное явление. — Философские возражения против абстрактного духа малопонятны для грубых и невежественных людей. — Возбуждения страсти, свойственные человечеству, учат людей желать или предчувствовать сверхъестественные события. — Призраки часто мнятся сновидениями наяву. — История сомнамбулизма. — Заразительное влияние легковерия, из-за которого люди больше верят свидетельствам других, нежели собственным чувствам. — Примеры из «Historia Verdadera» Берналя Диаса дель Кастильо и сочинений Патрика Уокера. — Мнимые доказательства общения со сверхъестественным миром порой обусловлены болезненным состоянием телесных органов. — Отличие этих расстройств от безумия, при котором органы сохраняют свое здоровье, а вот здоровье разума утрачивается. — Восстание чувств безумца против его мечтаний. — Рассказы противоположного свойства, в которых наглядные свидетельства опровергают убеждения разума. — Пример лондонского любителя удовольствий. — О Николаи, немецком книготорговце и философе. — О пациенте доктора Грегори. — О выдающемся шотландском юристе, ныне покойном. — Имеются и другие примеры того же ложного расстройства, внезап-

ные и кратковременные. — Призрак Мопертюи. — О покойном прославленном современном поэте. — Приведенные случаи, каковые принято считать ложными впечатлениями зрительного нерва, а также обманы слуха. — Осязательные иллюзии, испытываемые преимущественно во сне. — Обманы вкуса и обоняния. — Итоги рассмотрения.

Вы просили меня, мой дорогой друг, помочь «Семейной библиотеке» и набросать историю той темной стороны человеческой природы, которую ныне распространение культуры во всех просвещенных странах почти истребило, пусть эта тема обыкновенно и не привлекала внимания в более древние времена.

Смею сказать, что среди многочисленных сочинений, прочитанных мною в молодые годы, было в достатке странствий по сумеречным областям суеверных воззрений. Что ж, я потратил немало часов — хотелось бы мне, чтобы их было меньше! — вникая в старинные и недавние сочинения такого рода, даже перелистывая отчеты по судебным процессам, столь частым в прежние времена, изучая вопрос, которому наши предки придавали первостепенную значимость. Уже в наши дни мистер Питкэрном[14] опубликовал крайне любопытные отрывки из шотландских судебных отчетов — они не только обладают исторической ценностью, но и убедительно доказывают, сколь легковерными были наши предки в этом отношении; просматривая эти отрывки, я поневоле вспоминал прочитанные ранее книги и свои мысли по этому поводу.